

Федор Сухов

ДОМ РАДОСТИ И ПЕЧАЛИ

Стихи

Федор Григорьевич Сухов — русский поэт-фронтовик, старший лейтенант, командир огневого взвода противотанковых орудий, награжден медалью «За отвагу», орденами «Красной Звезды» и «Великой Отечественной войны», лауреат Всесоюзной премии им. А. Фадеева ЦК ВЛКСМ за лучшее поэтическое произведение о Великой Отечественной войне к 25-летию Победы (поэма «Былина о неизвестном солдате»).

Ф. Сухов прожил ровно столько, сколько просуществовал СССР (1922–1992). Окончив в 1954 году Литературный институт им. М. Горького с отличием, Сухов для работы выбирает разрушенный Сталинград, нуждавшийся в литературных кадрах, в 1957 году вступает в Союз писателей СССР и занимается только серьезным литературным творчеством.

«Я о войне не заикался, почти ни слова не сказал», — заявил поэт в конце 60-х, а ведь первое его стихотворение увидело свет в газете «Красная Армия» в 1944 году: «Нам не забыть эти места, где мы друзей похоронили...». Позднее он написал ставшее знаменитым стихотворение «Провожали меня на войну» (1954), вошедшее во все антологии стихов о Великой Отечественной; поэму «В подвале универмага», переработанную в «Землянику на снегу» (1958–1974); выбрав сложнейшую тему о плененном генерал-фельдмаршале Паулюсе — «Тем генералы хороши, что нет души у генералов...». В 1968–69 годах родилась поэма «Былина о неизвестном солдате» с печальными начальными строками «Нас все меньше и меньше, нас почти никого не осталось...».

«Все творческое развитие Ф. Сухова убеждает: он не мог уйти от темы войны, она неистребимо жила в нем. “Былина о неизвестном солдате”/ — самобытное и богатое смыслом и самим звучанием произведение. Так еще никто не говорил о войне. Федор Сухов открывает перед нами новую правду о ней», — отметил литературный критик В. Кожин.

*Елена СУХОВА,
дочь, хранительница литературного наследия поэта,
кандидат филологических наук*

КАУРЫЕ ЛЕБЕДИ

Говорят: тополиным, а я говорю — лебединым,
И не пухом — дыханьем опять прикоснулся ко мне
Тот июнь, что когда-то березам моим и рябинам
Возвестил о вступившей на русскую землю войне.
Сразу сникли березы мои и рябины. И сразу
Потемнела река, схолодела до самого дна...
А потом был объявлен приказ. И согласно приказу,
Даже конские души — и те обратала война.
Эх вы, кони, кони. Нет, не кони —
Звери. Нет не звери — Змеи...
Кони уходили на войну,
Покидали кони
В озере — взошедшую луну,
Свет зари — в затоне.
А в реке широкой — облака
Покидали кони.
Тычась в берег, пряталась река
В ивовые корни,
В омуты бежала от войны,
В заводи бежала
И старалась побыстрее войти
В ивовую заросль.
Ну а кони, кони —
В красные вагоны
Погружались кони.

Чуяли каурые, чуяли соловые
Теплую живую пролитую кровь
И страшились стука собственных подков.
А когда приблизились плотней
К боевому стану,
Вывели коней
На поляну.
И топтались кони на поляне
Возле сосен,
Кто-то не во сне, а въяве
Сенокосил.
И тогда-то послышался то ль комариный,
То ль иной нарастающий ноющий гуд.
Не травой подкошенной — спелой малиной
Все-то, все медовело, дышало вокруг.
Даже сосны своей медовели живицей —
Вдруг на лапах сосны
Черной тенью повис он,
Дьявол войны.
Каурые, соловые
И не кони — лебеди
Хотели спрятать головы,
А куда? Не ведали.

И сложили, бедные,
Головы свои.
Не пришли с победою
Лебеди с войны.
Только лебединый
Возвратился дух.
Так-то, мой единый,
Мой окопный друг!..

1972

ДАВНЕМУ ДРУГУ

Ты посетил мой отдаленный,
Уединенный уголок,
Дорожной пылью убеленный,

Вошел в смородинный, зеленый,
Мой потаенный огород.

Я испугался. Я увидел,
В себе себя я увидал.
На самого себя в обиде
Я в это утро пребывал.

Казнил себя жестокой карой
За все минувшие грехи,
За строчку ту, что не играла,
Мертво легла в мои стихи.

Как много было этих строчек,
Они мертвы, они мертвы...
Строчил окопный пулеметчик
Из-за поваленной ветлы.

А в Белоруссии, а в Польше,
А на Днепре, а на Десне
Бил броневой броневой
И по зиме, и по весне.

Бил по ромашковому лету
Из-за поваленной сосны.
Уже казалось — больше нету,
Ни лета нету, ни весны.

Одна сплошная канонада
Один грохочущий металл...
Себя вернувшимся из ада
В тебе, мой друг, я увидал.

А где-то музыка играет,
В каком-то праздничном саду

Все говорит она о рае
Тому, кто побывал в аду.

Но я-то знаю, я-то знаю:
Тому, кто видел этот ад,
Не говорят, мой друг, о рае,
О райских снах не говорят.

1972

* * *

Б. Е. Пильнику

Вещает мудрость: будь в доме печали,
Дом радости — убежище глупца.
А я все радуюсь. А я ночами
С ликующего не схожу крыльца.
Притопни ногой,
И не этой, а другой!
А другая-то нога
Без чулка, без сапога.
А другая-то нога
Убежала на луга.
На одной ноге пойду,
Упаду — не пропаду,
Вы-ытопчу всю лебеду,
Вы-ытащу свою беду...
Бабыньки, где она, моя-то беда?
Где он, муженек-то мой,
Моя лебеда?
На пол грохнулись костыли.
Опустилась убеленная сединой голова.
Тишина.
Пляши, жена! Топчись, жена! —
Тишина.
Я действительно глуп:
В доме радости
Я не заметил дома печали.
А поднятые
И поставленные в углу
Костыли —
Все стучали,

Стучали,
Стучали.

1973

Железный приблизился грохот,
 К донской подкатился волне,
 Устами провидца-пророка
 Опять говорю о войне.

О пролитой крови глаголю,
 Слагаю свой горестный стих.
 К высокому тянутся взгорью
 Скорбящие лики гвоздик.

Седое величье кургана
 Закатной пылает зарей,
 Гудит многострунно, органно,
 Серебряной дышит травой.

Печаль свою под ноги клонит
 Серебряный этот ковыль.
 Я вижу, как резвые кони
 Вздывают закатную пыль.

В вечерней скрываются хмари,
 Уносят свои стремяна...
 Слезами покинутой Марьи
 Взошедшая плачет луна.

В захмаренной видится сини
 Ее опечаленный лик.
 А кто-то к дыханью Аксиньи
 Горячим дыханьем приник.

Прощальное вышептал слово,
 Горючую вытер слезу.
 Армейские кони солово
 Грустят в отдаленном лесу.

В поникшей вздыхают дуброве
 До самой рассветной поры.
 Дымясь, солонее от крови,
 Ржавее донская полынь.

Полынная слышится горечь,
 В пшеничном тоскует зерне,
 О сгибшей Аксинье глаголет,
 О сгибшей скорбит тишине.